

Священномученик Пётр, митрополит Крутицкий (в миру – Пётр Фёдорович Полянский) родился 28 июня (10 июля) 1862 года в благочестивой семье священника села Сторожевое Воронежской епархии.

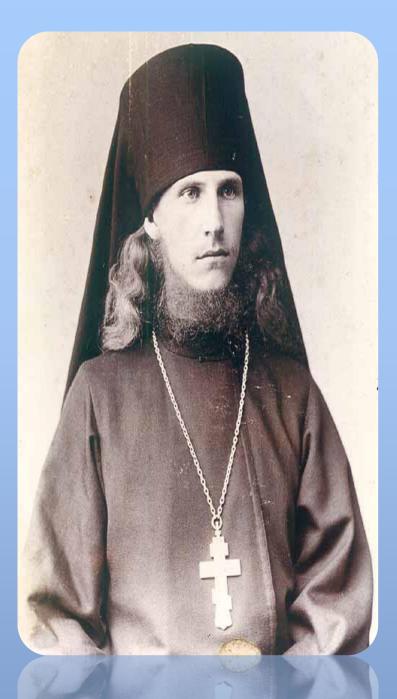

Петр Федорович Полянский 1890-е годы

Храм в с. Сторожевое Дореволюционная фотография

Учился он сначала в местном духовном училище, затем в Воронежской Духовной семинарии, которую окончил в 1885 году по первому разряду. Был определён на должность псаломщика при храме села Девицы в Коротоякском уезде.

В 1887 году Пётр стал вольнослушателем, а после сдачи экзаменов — студентом Московской духовной академии.

В студенческие годы он отличался благодушием, покладистостью, доброжелательностью, жизнерадостным характером. В 1892 году окончил МДА со степенью кандидата богословия, полученной за работу «О пастырских посланиях».

В 1895 году был церковным старостой у себя на родине, в селе Сторожевом Воронежской епархии. За особое усердие в благоукрашении приходского храма Богоявления он был удостоен архипастырской признательности. В 1896 году в течение недолгого времени преподавал греческий язык в Звенигородском духовном училище.

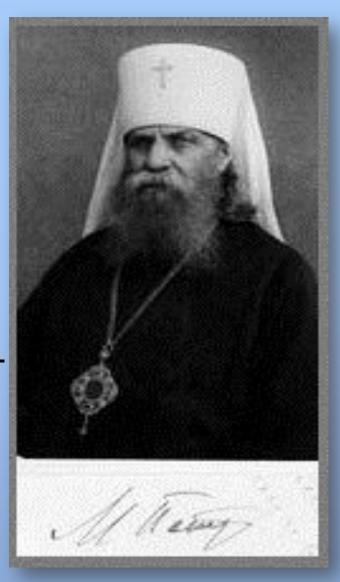
В декабре 1896 года был назначен смотрителем Жировицкого духовного училища. Его появление в этой школе значительно отразилось на её духовной атмосфере и, вместе с тем, подняло Училище на высокий уровень. Своим жизнерадостным характером Пётр Полянский сплотил преподавательский коллектив в одну семью. «Все одинаково были заинтересованы в прекрасной постановке учебного дела и воспитательного процесса в училище.

В 1906 году переведён служить в Санкт-Петербург на должность младшего помощника правителя дел Учебного Комитета при Святейшем Синоде в Санкт-Петербурге; впоследствии стал членом Учебного Комитета (сверхштатным, затем постоянно присутствующим), исполняя главным образом обязанности ревизора духовных учебных заведений.

За время служения в Учебном Комитете обследовал состояние духовных семинарий, епархиальных женских училищ в Курской, Новгородской, Вологодской, Костромской, Минской и в ряде других епархий, побывал в Сибири, на Урале, в Закавказье. После каждой такой поездки им собственноручно составлялся подробный, обстоятельный отчёт, в котором предлагались уместные меры по улучшению состояния обследованной школы.

В 1918 году, после закрытия Учебного комитета, переехал в Москву, где принял участие в деяниях Всероссийского Поместного Собора, состоя в его секретариате.

Жил в Москве, в доме своего брата, священника церкви Николына-Столпах Василия Полянского. С 1919 года был заведующим приютом для, как тогда писали, «дефективных детей».

Это был жизнерадостный и весёлый человек: хорошая шутка и звонкий смех были с ним неразлучны. Это был сговорчивый и уступчивый человек — отнюдь не фанатик и не изувер. Он оказался самым непоколебимым и стойким иерархом из всех, которых имела русская церковь со времён патриарха Ермогена.

Патриарх Тихон предложил ему принять постриг, священство и епископство и стать его помощником в делах церковного управления в условиях репрессий большевиков против Церкви.

«Я не могу отказаться. Если я откажусь, то я буду предателем Церкви, но когда соглашусь, — я знаю, я подпишу сам себе смертный приговор».

В ноябре 1925 года митрополит Пётр был арестован — для него началась пора мучительных допросов и нравственных истязаний. После заключения в Суздальском политизоляторе, Владыку привезли на Лубянку, где ему предлагали отказаться от первосвятительского служения в обмен на свободу, но он ответил, что ни при каких обстоятельствах не оставит своего служения.

В 1926 году Владыка был отправлен этапом в ссылку на три года в Тобольскую область (село Абалацкое на берегу реки Иртыш), а затем на Крайний Север, в тундру, в зимовье Хэ, расположенное в 200 километрах от Обдорска. Ссылка вскоре была продлена на два года.

Ни продление срока ссылки, ни переводы во всё более отдалённые от центра места, ни ужесточение условий заключения не смогли сломить волю Святителя, хотя и сокрушили могучее здоровье Владыки. Все годы тяжёлого одиночного заключения он даже словом не проявил ни к кому неприязни или нерасположения.

Условия заключения Святителя были очень тяжелы. Владыка страдал от того, что, чувствуя себя в ответе перед Богом за церковную жизнь, он был лишён всякой связи с внешним миром, не знал церковных новостей, не получал писем.

Владыка Пётр, дождавшись дня освобождения — 23 июля 1936 года — в Верхнеуральской тюрьме, вместо свободы получил новый срок заключения ещё на три года. К этому моменту ему было уже семьдесят четыре года и власти решили объявить

Святителя умершим, о чём и сообщили митрополиту Сергию, которому в декабре был усвоен титул Патриаршего Местоблюстителя— ещё при живом митрополите Местоблюстителе Петре.

Церковь молилась теперь не о здравии, а об упокоении души Петра, митрополита Крутицкого. А он был еще жив. Так прошёл ещё год тяжкого заключения для больного старца-первосвятителя.

В июле 1937 года Сталин приказал в течение четырех месяцев расстрелять всех находящихся в тюрьмах и лагерях исповедников. Против митрополита Петра было составлено следующее обвинение: "Отбывая заключение в Верхнеуральской тюрьме, проявляет себя непримиримым врагом советского государства, клевещет на существующий государственный строй..." 2 октября 1937 года Патриаршего Местоблюстителя Петра, митрополита Крутицкого, приговорили к расстрелу.

10 октября в четыре часа дня приговор был приведен в исполнение. Для расстрела смертников обычно выводили из камеры. Может быть, перед смертью владыка наконецто увидел солнце...

Канонизован Петр Крутицкий Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 1997 году.

